

1

...Когда Ханио пришел в себя, вокруг было так ослепительно светло, что он подумал, не рай ли это. Однако острая боль в затылке никак не хотела уходить. Значит, не рай. Там головной боли не бывает.

Первым, что он увидел, было большое окно с матовыми стеклами. Совершенно безликое в своей вычурной белизне.

— Похоже, он пришел в себя, — послышался чей-то голос.

— О! Замечательно! Поможешь человеку в беде — и целый день настроение хорошее.

Ханио поднял взгляд. Перед ним стояли медсестра и крепкий мужчина в спецодежде врача «скорой помощи».

— Тихо, тихо. Вам нельзя делать резких движений. — Медсестра придержала его за плечи.

Ханио понял, что самоубийства не получилось.

Он принял большую дозу снотворного в последней уходящей электричке. Точнее, запил таблетки водой из фонтанчика на станции, перед тем как сесть в поезд. В вагоне повалился на пустую скамейку и тут же отрубился. Решение покончить с собой не было плодом долгих раздумий. Желание умереть пришло неожиданно в тот вечер в снэк-баре, где он обычно ужинал. Он сидел и читал заголовки газеты, вечерний выпуск за 29 ноября:

«СОТРУДНИК МИД ЯПОНИИ ОКАЗАЛСЯ ШПИОНОМ».

«РЕЙДЫ ПОЛИЦИИ В АССОЦИАЦИИ
ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ
И ЕЩЕ ДВУХ ОРГАНИЗАЦИЯХ».

«ОТСТАВКА МИНИСТРА ОБОРОНЫ МАКНАМАРЫ
ПРЕДРЕШЕНА».

«СМОГ НАД СТОЛИЧНЫМ РЕГИОНОМ:
ПЕРВОЕ ЗА ЭТУ ЗИМУ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОПАСНОСТИ».

«ВЗРЫВ В АЭРОПОРТУ ХАНЭДА:
ПРОКУРОР ТРЕБУЕТ ПОЖИЗНЕННЫЙ СРОК ДЛЯ АОНО¹
ЗА „ТЯГЧАЙШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ“».

«ГРУЗОВИК ОПРОКИНУЛСЯ НА РЕЛЬСЫ И СТОЛКНУЛСЯ
С ТОВАРНЫМ ПОЕЗДОМ».

«УСПЕШНАЯ ТРАНСПЛАНТАЦИЯ:
ДЕВУШКЕ ПЕРЕСАЖЕН КЛАПАН АОРТЫ ОТ ДОНОРА».

«ОГРАБЛЕНИЕ В КАГОСИМЕ²: В ОТДЕЛЕНИИ БАНКА
У КЛИЕНТА ПОХИЩЕНО ДЕВЯТЬСОТ ТЫСЯЧ ИЕН».

¹ 23-летний Дзюн Аоно был арестован и осужден за организацию взрыва в токийском аэропорту Ханэда 15 февраля 1967 г., от которого пострадали пять человек. (Здесь и далее примеч. перев.)

² Город на о. Кюсю. Административный центр одноименной префектуры.

Жизнь на продажу

Ничего нового. Все новости как штампованные, каждый день одно и то же. Ни одна заметка никак его не тронула.

Он отложил газету, и тут же совершенно неожиданно явилась мысль о самоубийстве, причем с такой легкостью, будто он решил поехать на пикник. Если бы его спросили, почему он захотел свести счеты с жизнью, он бы ответил, что никакой причины не было. Просто пришло в голову и все.

От несчастной любви он не страдал, но даже если бы и страдал, не такой Ханио человек, чтобы травиться или вешаться из-за этого. Денег вроде тоже хватало. Он работал копирайтером и придумал слоган для средства, способствующего пищеварению, которое разработала фармацевтическая компания «Госики»: «Четко, ясно — проще не бывает. Не успеешь охнуть, как уже здоров».

Считалось, что он достаточно талантлив, чтобы уйти на вольные хлеба и быть успешным, но ему этого совершенно не хотелось. Он работал в компании «Токуо Ад», платили хорошо, а больше и не надо. До последнего дня был честным, исполнительным сотрудником.

Ага! Если подумать, именно это и стало причиной неожиданно возникшего желания покончить с собой!

Ханио вяло пролистывал газету и не успел подхватить выпавшую из середины страницу, которая скользнула под столик. Он проводил

ее ленивым взглядом. Наверное, так змея смотрит на сброшенную ею кожу. Спустя какое-то время у него вдруг возникло острое желание поднять страницу. Конечно, можно было ее не поднимать, но он сделал это — вроде так положено. Хотя не исключено, что им двигало нечто более серьезное — например, решимость восстановить порядок в мире. Кто знает...

Так или иначе, он нагнулся, заглянул под шаткий маленький столик, протянул руку...

И увидел отвратительное существо.

На упавшей газете, замерев, устроился таракан. В тот момент, когда Ханио протянул руку, блестящее, цвета красного дерева насекомое с необыкновенной скоростью метнулось в сторону и затерялось среди газетных иероглифов.

Он положил на столик газету и все-таки поднял с пола выпавшую страницу. Взглянул на нее. Разобрать, что на ней написано, не получилось — все иероглифы тут же превратились в тараканов. Он попробовал зафиксировать на них взгляд, но они разбежались кто куда, поблескивая темно-красными спинками.

«А-а, так вот как оно все устроено», — вдруг открылось Ханио. И его открытие породило неодолимое желание покинуть этот мир.

Хотя это лишь объяснение ради объяснения.

Все не так просто и ясно, как кажется. Пусть иероглифы в газете разбегаются, как стая тараканов, тут уж ничего не поделаешь. От бе-

зыходности мысль о смерти прочно засела в мозгу. С этого момента смерть повисла над Ханио вроде снежной шапки, нахлобученной в зимний день на красный почтовый ящик.

Затем жизнь пошла веселее. Он отправился в аптеку, купил снотворное, но сразу выпить не решился и пошел в кино. Посмотрел три фильма подряд. Выйдя из кинотеатра, заглянул в бар для знакомств, куда иногда захаживал.

Оказавшаяся на соседнем табурете кубышкообразная девица имела такое тупое выражение лица, что не могла вызвать ни малейшего интереса, но, даже несмотря на это, у Ханио возникло желание признаться ей в том, что он собирается умереть.

Он слегка тронул локтем ее пухлый локоток. Девица покосилась на соседа, лениво повернулась к нему всем телом с таким видом, будто этот маневр потребовал от нее невероятных усилий, и хохотнула. Типичная деревенщина.

- Добрый вечер, — обратился к ней Ханио.
- Добрый вечерок.
- А ты милашка.
- Уху-ху.
- А что я дальше скажу, знаешь?
- Уху-ху.
- Ведь не знаешь.
- Прямо уж не знаю?
- Я вечером себя убью.

Юкио Мисима

Вместо того чтобы удивиться, девица рас- смеялась во весь рот. Не закрывая его, броси- ла в открывшееся отверстие ломтик сушеной каракатицы и, не переставая смеяться, приня- лась его пережевывать. Запах каракатицы, не отставая, витал вокруг носа Ханио.

Спустя какое-то время в баре появилась еще одна девушка, похоже подруга девицы, и та ра- достно помахала рукой вошедшей. И, даже не кивнув, отсела от Ханио.

Он вышел из бара, раздосадованный тем, что провозглашенное им намерение умереть не восприняли всерьез.

Было еще не поздно, но мысль его зацikli- лась на последней электричке, и до нее надо было как-то скоротать время. Он вошел в салон патинко, уселся перед автоматом и стал нажи- мать на рычажок. Выиграл целую кучу шариков. Жизнь человеческая заканчивалась, а ша- рики сыпались и сыпались в лоток. Такое впечатление, будто кто-то насмехается над ним.

Наконец пришло время последней элек- трички.

Ханио прошел на станции через турни- кет, выпил снотворное у фонтанчика и вошел в вагон.

После того как Ханио оплошал с самоубийством, перед ним открылся в своем великолепии пустой и свободный мир.

С того самого дня он полностью порвал с однообразием повседневности, которое, как ему казалось, будет длиться вечно. Появилось ощущение, что теперь все возможно. Дни больше не сливались в один бесконечный день. Они умирали один за другим, как и положено. Он четко видел перед собой картину: ряд мертвых лягушек с выставленными напоказ белыми брюшками.

Он написал заявление об увольнении из «Токуо Ад». Фирма процветала, поэтому ему выплатили щедрое выходное пособие, что обеспечило жизнь, в которой он мог ни от кого не зависеть.

В третьеразрядной газете, в колонке «Ищу работу», он поместил следующее объявление:

«Продам жизнь. Можете использовать меня по своему усмотрению. Мужчина. 27 лет.

Конфиденциальность гарантирована. Не доставляю никаких хлопот».

Добавил свой адрес, и на двери квартиры прилепил листок с надписью: «Ханио Ямада. Продается жизнь».

В первый день никто не пришел. Перестав ходить на работу, Ханио совершенно не скучал. У него было чем занять свободное время. Он валялся в своей комнате и смотрел телевизор или в задумчивости грезил о чем-то.

Когда «скорая» доставила его в больницу, он был без сознания, поэтому, по идее, ничего не должен был помнить, однако, как ни странно, стоило услышать сирену, как в голове тут же оживало воспоминание, как его везли на «скорой». Он лежал в машине и громко храпел. Врач в белом халате сидел рядом, придерживая одеяло, которым накрыли Ханио, чтобы тот не свалился на повороте с каталки. Он четко видел эту картину. У врача возле носа красовалась большая родинка...

При всем том новая жизнь оказалась какой-то пустой, как комната без мебели.

На следующее утро в квартиру Ханио кто-то постучал.

Отворив, он увидел на пороге маленького, аккуратно одетого старичка. Боязливо оглянувшись, посетитель быстро вошел и закрыл за собой дверь.

— Вы Ханио Ямада?

Жизнь на продажу

— Да.

— Я видел ваше объявление в газете.

— Проходите, пожалуйста.

Ханио провел гостя в угол комнаты, где был расстелен красный ковер и стоял черный стол и такого же цвета стулья. Обстановка давала понять, что хозяин этого жилища имеет отношение к дизайну.

Старичок прошипел что-то в ответ, как змея, вежливо поклонился и присел на стул.

— То есть это вы жизнь продаете?

— Точно так.

— Вы человек молодой, живете прилично. Зачем вам это надо?

— Давайте без лишних вопросов.

— Хотя... сколько же вы хотите за свою жизнь?

— Зависит от того, сколько вы готовы дать.

— Ну как можно быть таким легкомысленным? Это вы должны назначить цену за свою жизнь. Если я предложу сто иен, что вы будете делать?

— Пусть так. С меня хватит.

— Странные вещи вы говорите, однако.

Старичок извлек из нагрудного кармана бумажник, вынул пять новеньких хрустящих банкнот по десять тысяч и развернул их веером, как карты.

Ханио с бесстрастным видом принял пятьдесят тысяч.

— Можете говорить все, что угодно. Я не обижусь.

— Договорились. — Старичок достал из кармана пачку сигарет с фильтром. — От курения можно получить рак легких. Не желаете сигарету? Вряд ли человек, выставивший свою жизнь на продажу, будет беспокоиться, как бы не заболеть раком... Так вот. Дело мое очень простое. Моей жене — она у меня уже третья — двадцать три года. Между нами разница — ровно полвека. Она замечательная, знаете. Груды у нее... торчат в разные стороны, как два поссорившихся голубка. Губы! Такие полные, сладкие, зовущие. Словами не передать, какое у нее великолепное тело. А ноги какие! Сейчас вроде как мода на женщин с болезненно тонкими ногами. То ли дело ее ноги — правильной формы, от полных бедер до тонких щиколоток. А ягодицы! Видели холмики, которые по весне вскапывают в саду кроты? Очень похоже... Так вот, она от меня ушла и пустилась во все тяжкие — гуляет напропалую. Сейчас живет не то с китайцем, не то с корейцем. Бандит какой-то, но не из «шестерок». У него четыре ресторана и наверняка пара-тройка покойников на счету, которых он уложил в могилу в борьбе за место под солнцем... Я хочу, чтобы вы познакомились с моей женой, завели с ней шуры-муры и чтобы этот бандит узнал о вашей связи. После этого вас наверня-

ка убьют, жену, скорее всего, тоже. А я получу удовлетворение. Только и всего. Ну как? Готовы?

— Хм! — Ханио выслушал старичка со скучающим видом. — Но получится ли такой романтический конец у этого дела? Ваша мечта — отомстить жене. А что, если, связавшись со мной, она будет готова умереть с радостью? Что тогда?

— Она не из тех, кто принимает смерть с радостью. В этом вы с ней не похожи. Она хочет получать от жизни все, что только можно. Это, как манифест, написано на каждой частичке ее тела.

— Почему вы так думаете?

— Сами скоро узнаете. Так или иначе, буду вам признателен, если вы сделаете все как надо и умрете за меня. Письменное соглашение ведь не понадобится?

— Не понадобится.

Старичок еще пошипел немного. Видимо, о чем-то раздумывал.

— Может быть, есть какие-то просьбы, которые я могу исполнить после вашей смерти?

— Ничего такого. В похоронах я не нуждаюсь, равно как и в могиле. Но есть одно дело, которое вы могли бы сделать для меня. Я все собирался завести сиамского кота, но так и не получилось. Боялся лишних хлопот. Буду признателен, если после моей смерти вы заведете

сиамца вместо меня. И я думаю, что давать ему молоко надо не в блюдечке, а в ковшике. Как он начнет из него лакать, надо легонько приподнять ковшик, чтобы его мордочка окунулась в молоко. Я бы попросил вас проделывать это раз в день. Это важно, так что не забудьте, пожалуйста.

— Странная какая просьба.

— Вы так думаете, потому что живете в самом обыкновенном, заурядном мире. Такая просьба лежит за пределами вашего воображения. И вот еще что. Если я вдруг останусь жив, должен ли я возвращать вам пятьдесят тысяч?

— До этого не дойдет. Прошу вас только об одном: жена должна быть убита обязательно.

— То есть это контракт на убийство?

— Можно и так сказать. Я хочу, чтобы следа от нее на этом свете не осталось. И я не хочу чувствовать себя виноватым. Ни в чем. Это того не стоит, чтобы я мучился да еще винил себя... Значит, договорились. Вы должны начать действовать прямо сегодня вечером. Дополнительные расходы я оплачу по вашему требованию.

— И где же мне «начинать действовать»?

— Вот карта. Здесь на холме элитный жилой дом. Называется «Вилла Боргезе». Квартира восемьсот шестьдесят пять. Пентхаус на верхнем этаже. Когда она там бывает, не знаю. Так что вам придется самому ее искать.

Жизнь на продажу

— Как зовут жену?

— Рурико Киси. В фамилии тот же иероглиф, что у премьер-министра Киси¹.

Как ни странно, старичок прямо-таки сиял, рассказывая Ханио о сбежавшей супруге.

¹ *Нобусукэ Киси* (1896–1987) — государственный и политический деятель Японии, премьер-министр в 1957–1960 гг.

Старичок направился к выходу. Только закрыл за собой дверь, и тут же вернулся. У человека, купившего чужую жизнь, были все резоны сказать то, что он сказал:

— О! Забыл важную вещь. Вы не должны никому ничего рассказывать. Ни о том, кто к вам приходил, ни о том, что вас попросили сделать. Раз уж я покупаю вашу жизнь, должна соблюдаться коммерческая этика.

— Об этом можете не беспокоиться.

— Нельзя ли получить письменное обязательство?

— Но это же просто глупо. Если вы уйдете с таким обязательством, бумага сама по себе будет говорить о том, что вы меня о чем-то просили. Разве не так?

— Так-то оно так... — Издавая шипящие звуки сквозь неважно подогнанные зубные протезы, старичок, шаркая ногами, с озабоченным видом подошел к Ханио. — Но как я могу вам верить?

— Тот, кто верит, верит всему, тот, кто сомневается, сомневается во всем. Вы пришли

Жизнь на продажу

сюда, заплатили мне деньги. Это убедило меня, что в нашем мире еще существует доверие. И даже если я расскажу кому-то, о чем вы меня попросили, я понятия не имею о том, кто вы и откуда. Так что вам не о чем беспокоиться.

— Не говорите глупостей. Рурико все разболтает. Можете не сомневаться.

— Все может быть. Но лично мне это совсем ни к чему.

— Вижу. Я в людях как-никак разбираюсь. Когда увидел вас, сразу понял: этот подойдет. Если еще понадобятся деньги, просто оставьте записку на доске объявлений у центрального входа вокзала Синдзюку: «Жду денег. Завтра в восемь утра. Жизнь». Что-нибудь в этом роде... Я люблю пройтись по универсам, каждое утро совершаю такие прогулки. Время до открытия тянется медленно, так что давайте с утра пораньше.

Старичок повернулся к двери. Ханио вышел вслед за ним.

— Куда вы собрались?

— Разве не понятно? На «Виллу Боргезе», в квартиру восемьсот шестьдесят пять.

— Быстро вы взялись за дело.

Вспомнив, Ханио перевернул листок на двери с надписью: «Продается жизнь» — на другую сторону, где было написано: «ПРОДАНО».

«Вилла Боргезе» оказалась белым, выстроенным в итальянском стиле зданием, которое возвышалось на холме в окружении убогой застройки. Его было видно издали, так что сверяться с картой не понадобилось.

Ханио заглянул в окошко помещения консьержа, но в кресле никого не оказалось. Нет так нет. Он направился к лифту в глубине вестибюля. Двигался не по собственной воле, а как бы ведомый некой путеводной нитью, ощущением легкости, которую рождало отсутствие какой-либо ответственности, как человек, решившийся на самоубийство. Жизнь была наполнена этой легкостью.

Он вышел на восьмом этаже. В коридоре стояла тишина, как обычно утром. Дверь с номером 865 оказалась тут же, рядом. Ханио нажал кнопку звонка и услышал, как за дверью мелодично зазвенел тихий колокольчик.

Никого?

Однако интуиция подсказывала Ханио, что утром Рурико должна быть дома одна. Про-

Жизнь на продажу

водив любовника, она не иначе как легла досыпать.

Ханио настойчиво продолжать давить на звонок.

Наконец из квартиры донесся шум — похоже, к двери кто-то подошел. Она приоткрылась на цепочку, и в щели показалось удивленное лицо молодой женщины. На ней была ночная рубашка, но лицо не заспанное, а наоборот — живое и сосредоточенное. Губы в самом деле были пухлые, влекущие.

— Вы кто?

— Я из компании «Жизнь на продажу». Не хотите ли застраховать свою жизнь?

— Не интересуется. Мы тут все застрахованные. Больше не надо.

Говорила женщина резко, но дверь перед Ханио не захлопнула, из чего он сделал вывод, что какой-то интерес он все-таки у нее вызвал. Ханио просунул ногу в дверную щель, как это делают торговые агенты.

— Я даже входить не буду. Просто послушайте меня, и я тут же уйду.

— Нет-нет. Муж разозлится. И потом, я сейчас в таком виде...

— Тогда я еще раз загляну, хорошо? Минут через двадцать.

— Ну... — Женщина задумалась. — Вы пока сходите еще куда-нибудь, а через двадцать минут опять позвоните.

— Спасибо. Я так и сделаю. — Он убрал ногу, и дверь закрылась.

Ханио прождал двадцать минут на диванчике, стоявшем в конце коридора у окна. Оттуда хорошо были видны окрестности, освещенные зимним солнцем. Открывшаяся картина была настолько непрезентабельной, что больше напоминала муравейник, чем городские кварталы. Конечно, жившие там люди делали вид, что у них все хорошо, желали друг другу доброго утра, справлялись о работе, здоровье жен и детей или выражали беспокойство по поводу осложнения международной обстановки. Но никто не замечал, что все эти слова уже не имеют никакого смысла.

Выкурив пару сигарет, он опять подошел к двери с номером 865 и постучал. На этот раз дверь широко распахнулась, и на пороге появилась женщина в костюме салатного цвета с откровенно распахнутым воротником и пригласила Ханио войти.

— Хочешь чаю? Или что-нибудь покрепче?

— Исключительный прием, достойный дипломата.

— А я сразу поняла, что никакой ты не страховщик. Как только увидела. Если хотел разыграть спектакль, надо было лучше подготовиться.

— Твоя правда. Что ж, может, тогда пивом угостишь?